

УДК 111.1:930

А.С. Табачков

Онтологические основания метатеоретического анализа историографии

Каким бы искусственным не признавалось членение философии на дисциплины, оно, тем не менее, оказывает существенное влияние на характер создаваемых в этой области познания дискурсов. Так, анализ феноменов социокультурной реальности не предполагает более обращения к их онтологической стороне. В полной мере эта тенденция проявилась в проектах философского осмысления истории, которая, по сути, лишилась в современных дискурсах своего онтогносеологического базиса. Думается, что стоит взглянуть на историю и историографию «со стороны» конститутивного для них обоих феномена.

Время, безусловно, относится к числу тех «первофеноменов», удивление перед которыми, по известному выражению М. Хайдеггера, породило саму философию. Но по мере углубления человеческого познания, в частности, мироустройства, образ времени постепенно утрачивал свою целостность. С ростом степени рационализации всего феноменально явленного возникали все новые и новые абстрактные системы координации последовательности событий, имевшие уже мало общего с передавшим им свое имя фундаментальным феноменом. Появилось время механики и астрономии, время биологических и химических процессов, наконец, время личного экзистенциального проживания в искусстве и близких к нему течениях философии.

Параллельно с этим, время постепенно сделалось предметом повседневного обихода попавшего в ненатуральные условия промышленного производства человека: рабочее время, время отпуска, обеденный перерыв. В иерархии суетной повседневности горожанина время стало почти вещью, собственностью, за которую нужно бороться, которую можно накапливать или тратить. Ученые раздробили время на удобные им абстракции, обыватели превратили его в соразмерную себе обиходную конкретность.

Можно, казалось бы, было надеяться, что первоначальное понимание важности феномена времени сохранится в историографии. Этого, однако, не произошло; время было вытеснено выросшим из обыкновения писать хроники деяний людей власти концентром хронологии. Причем, само это потенциально весьма богатое смыслами – если исходить из его греческих корней – понятие стали трактовать чрезвычайно одномерно. По сути, все было сведено к простой системе координат, призванной помогать выстраивать, иногда простые до примитивности, причинно-следственные связи событий. В пространстве такой хронологии вполне закономерно претерпели редукцию и сами события. Они стали просто фактами, при этом основной смысл деятельности историка стали видеть в максимально точном и не порождающем противоречий помещении события-факта в хронологическую мозаику.

Еще хуже всегда было с теми историографическими дискурсами, которые изначально предназначались широким слоям населения и транслировались системами образования и пропаганды. Здесь редукция события пошла еще дальше, мы встречаем тут уже не только события-факты, но и события-даты; к дате в чисто идеологических дискурсах искусственно, но далеко не всегда искусно, прикреплялась ценность. Судьба и хранимые смыслы сложного, долго и трудно формировавшегося локуса бытия заменялись и заменяются здесь до сих пор, несколькими цифрами, неким «адресом» события в изначально искусственной системе хронологических координат.

Немецкая философия XX столетия¹ попыталась обратить внимание всех, на то, что что-то случилось с великим Временем, но, возможно, было уже слишком поздно. Это, однако, не мешает исследователям, в том числе, и нам, хотя бы пытаться приблизиться к подлинному образу времени «того времени», когда оно еще не было раздроблено и неподобающе упрощено агрессивными рационализациями феноменального мира.

Мы попытаемся представить роль феномена времени в историческом процессе, сопоставить время и процесс событийной эволюции сущего. Конечно, существует краткий и даже не лишенный некоторого изящества, правда, несколько софистического толка, ответ на интересующий нас здесь вопрос, а именно: «Время событийно, а события временны». Мы, однако, несколько сомневаемся в эвристическом потенциале этого и подобных ему «простых» ответов.

Хайдеггер, а, конечно, его, а не автора обычной, по большому счету, концепции «осевого времени», мы имели в виду, когда говорили о несомненных заслугах немецкой философии в деле возвращения к истинной проблематике времени, тем не менее, слишком близко, почти неразличимо, «свел» в своем дискурсе время личного проживания и время мирового целого. Такое сильное сближение представляется несколько неверным, характерные модальности личного времени – ожидание, страх, ужас осознания конечности индивидуального бытия – во многом, чужды миру, как целому. Для нас, в контексте данной конкретной статьи, это означает, что время Хайдеггера не годится для истории, оно попросту не способно ее вместить.

Однако одной из многих заслуг этого философа является то, что он, пусть и в несколько прямолинейном и достаточно схематическом ключе, тем не менее,

¹ Здесь, по-видимому, проявилось влияние столь долго имевшей место в Европе династической формы правления, при которой день восшествия на престол или день смерти правителя действительно часто означал начало важных перемен в социуме.

^{**} Стоит отметить, что более ранние философы – онтологи, часто проявляли по отношению этого феномена некоторое пренебрежение, так Гегель по существу вообще не включил время в свою фундаментальную триаду «бытие – небытие – становление»; его самозамкнутая панлогическая модель мира, вероятно, совсем не нуждалась в этом феномене.

сумел эксплицировать проблемы движения времени и движения сущего внутри времени своей судьбы. Напомним, у него все три темпоральные модальности сущего движутся, подталкивая друг друга, по некой первичной топографии бытия. И, хотя в такой короткий «железнодорожный состав» многомерная история человечества вряд ли поместится, на одну важную закономерность Хайдеггер указал, с нашей точки зрения, абсолютно верно – переставшее, по тем или иным причинам, быть миросоответствующим сущее «выталкивается» из горизонтов актуального бытия. Это значит, что с частью сущего может произойти нечто такое, что сделает его дальнейшее непосредственное актуальное присутствие несовместимым с миропорядком остального бытия.

Подобная часть сущего, в нашем случае, представляет собой определенный комплекс материального и духовного, дискурсивного и результатов его реификации. Это, буквально, сложившееся со-бытие комплементарных элементов, некое относительно замкнутое, самоподдерживающееся при помощи внутренних и внешних реферативных (каузальных) связей, целое. Оно, в своем генезисе и последующем развитии, скорее всего, поглотило немалое «количество» материальной и духовной энергии мира и, хотя бы только поэтому, имеет немалую ценность. Это значит, что отказ от него, вытеснение его в прошлое, не случайность. Он, этот отказ в дальнейшем пребывании – разумеется, в парадигме рационалистического толкования бытия – обусловлен какой-то весьма серьезной причиной.

Нам кажется, что такой причиной может быть лишь превращение того или иного комплекса сущего в кардинальное препятствие общему развитию мира. В какой-то момент та или иная целостность сущего перестает, если воспользоваться хайдеггеровско-бибихинским наречием, «временить» в такт с остальным актуальным бытием. Эта дисгармония распознается механизмами культуры, и ее источник изымается, пусть и частично (об этой частичности несколько ниже), из актуального миропроцесса.

Таким образом, мы уже сейчас можем предположить, что для исторического процесса время выступает локусом целесообразного, пусть зачастую и крайне жестокого – с лично-человеческой точки зрения, депонирования не согласующегося с доминантой развития актуального бытия, сущего.

Время, та его ипостась, что инкорпорирует человеческую историю, не является примитивно-линейным, однонаправленным феноменом; это не помеченная литерой «Т» стрела из курса школьной физики. В этом времени единомоментно пребывает и только рождающиеся проекты будущего и изъятое из мирового процесса, не проявляющее более прямой актуальности, сущее прошлого. Время, благодаря своей все вмещающей «протяженности», пре-

* Мы, для краткости, пользуемся обобщенной концепцией времени М. Хайдеггера, которая, на самом деле, конечно сложнее и менялась достаточно сильно в процессе творчества философа.

** Нужно честно признать, что и в нашем подходе можно усмотреть некие панлогические интенции, так сказать, еще одно подтверждение известного тезиса Батая о «неизбежности» дискурса гегелевской философии.

*** Именно время, поскольку только этот феномен может быть признан универсальным атрибутом любого мироустройства; даже бытие сущего – вспомним «вопрос Шеллинга» – может быть подвергнуто сомнению. Это важное обстоятельство нашло свое отражение и в способах рационализации реальности: мы можем, произвольно наделяя сущее бытием или, наоборот, лишая его такового, конструировать самые разные «контрафактические ситуации», в то время как вечность, этот единственный значимый продукт работы мышления над феноменом времени, является, в конечном итоге, просто уходом от рефлексии о неизбежной конечности экзистенции, конструктом психологической, эмоционально-мотивационной адаптации человека.

доставляет возможность совместного присутствия и, как мы увидим ниже, взаимодействия, всем модальностям бытия.

Совместное присутствие предполагает связь, пусть даже в форме отрицания таковой, и связь, а, вернее, связи, действительно имеют место. Третий, располагающийся в темпоральном пространстве род комплексов сущего, его актуальная модальность, в своих непрекращающихся метаморфозах постоянно соединяет прошлое и будущее. В культуре это постоянное соединение протекает в актах интерпретации и реинтерпретации, осуществляемых всегда в целях перспективного развития.

Можно даже сказать, что актуальное бытие культуры развертывается в пространстве между двумя этими полюсами, областью бывшего, но сохраняющего важные смыслы, засвидетельствовавшего опыт чего-то перманентно важного, и областью еще только формирующихся комплексов сущего, того, чему еще предстоит сбыться. Вся протяженность времени, все его горизонты, пронизаны ретро- и перспективными связями, соединяющими все модальности сущего в единый креативный процесс развития.

Формулируя в духе несколько физикалистской стилистики известной метафоры Куайна [1], можно сказать, что эти связи конституируют «силовое поле» реального, эволюционирующего бытия сущего. Вдоль этих связей координируются все процессы затронутого феноменом рациональности и единственно доступного нашему наблюдению мира.

На время несколько изменив «оптику» рассмотрения данной проблематики, мы можем предположить, что в перспективе семиотического анализа вытесненные из активного бытия событийные комплексы сущего претерпевают обратимую символическую трансформацию. Можно, по-видимому, утверждать, что прошлое пребывает, в том числе, и в форме символических структур разной степени сложности и разного уровня организации. Первичное движение познания, что легко проверяется интроспективно, всегда направлено именно к символической ипостаси исторического, и лишь затем, на более поздних этапах, из символов вновь продуцируются все необходимые для конкретного проекта смыслы, тут же модифицируемые культурным контекстом современности. Семиотические техники могут быть весьма полезными в работе с некоторыми специфическими видами нарративов актуального прошлого, например, с «историей» репрезентируемой контролируемой властью аудиовизуальными СМИ.

Нужно, однако, заметить, что подобные семиотические подходы к анализу феноменов прошлого, при всем богатстве «игровых» возможностей, которые они предоставляют исследователю (структура символа, его генезис, связи и взаимодействия, и так далее), редко дают что-то в серьезной, нацеленной на поиск не лишенных действительной актуальности результатов, работе. Чаще всего, сущностно те же феномены и проблемы просто приобретают иные названия. Тотальная семиотическая репрезентация прошлого может поставить под сомнение саму возможность трактовки исторического как процесса эволюции сущего. Символы, хотя некоторые их виды, как думал, например, Ч. Пирс, и нуждаются в некоем временном локусе для своей принципиально бесконечной индивидуации, сущностно атемпоральны, они не нуждаются во времени, по крайней мере, как конституирующем факторе. Меняющимся во времени является лишь их прочтение.

Таким образом, в этой парадигме всегда сохраняется опасность оказаться в итоге в весьма малопривлекательной онтогносеологической ситуации, с двумя плохо связанными друг с другом планами реального: неизменным, за-

стывшим в символических структурах, прошлым и планом его едва ли не произвольных, никак не могущих повлиять на судьбу своего предмета как сущего, толкований. Историограф, в случае такого развития, вновь превратился бы из активного участника процессов трансформации бытия, в некоего «мудреца», пытающегося читать и толковать, на этот раз, семиотические, скрижали минувшего. Мы оказались бы в ситуации «до Ницше», если вообще не в малоинтересных пространствах профанных представлений о времени, историческом прошлом и способах их познания.

Возвращаясь к основному направлению нашего анализа, заметим, что связью частично утративших свою актуальность событийных сущностей прошлого и, находящихся еще только в процессе становления, феноменов будущего, фундируется, в конечном итоге, человеческая память и ее социальный аналог, историография. Мировой процесс эволюции сущего «не может себе позволить» полностью утратить связь с ушедшими из горизонта актуального бытия событиями.

Но прошлое, будучи однажды востребованным, не может просто вернуться в динамику настоящего, оно уже сущностно иное, по сравнению с ним. Элементы прошлого, коль скоро настоящее/будущее нуждается в них, должны быть адаптированы к новым условиям актуального мира, что непосредственно осуществляется в актах интерпретации и реинтерпретации.

Интерпретация и реинтерпретация являются, по сути, механизмами движения времени в рационалистическом, культурном бытии. Следовательно, сущее обретает качество подлинной историчности только благодаря непрерывным метаморфозам культуры, все, «что «имеет историю», пребывает во взаимосвязи становления» [2]. При этом везде, где имело место грубое вмешательство власти в этот естественный и эволюционный по своему характеру процесс, мы можем встретить дискурсивные и материальные анахронизмы, оставленные неизменными из соображений политико-идеологической целесообразности фрагменты миров прошлого. Нужно сказать, что подобные «окаменевшие» артефакты далеко небезопасны, они вполне способны влиять на актуальное развитие общества. Что бы убедиться в этом, не нужно далеко ходить за примерами: кризис культурно-исторической идентичности, столь характерный для многих европейских стран, нездоровая эклектичность современной российской идеологии и многие другие негативные моменты и тенденции сегодняшней социокультурной ситуации генетически связаны с этим произвольно остановленным прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Quine W.V.O.* From a logical point of view. – N. Y., 1961. – P. 44.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М., 1997. – С. 73.

S U M M A R Y

The article is an analysis of some ontological and epistemological aspects of history.

Поступила в редакцию 8.12.2004